

Русская православная церковь в истории русской диаспоры в Новой Зеландии

Елена Викторовна Рудникова,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: elena.rudnikova@mail.ru

Целью исследования является создание картины взаимоотношений между русскоязычными эмигрантами и православной церковью в Новой Зеландии с начала прошлого столетия по настоящее время. Восстанавливаются события начального периода распространения православия, освещается деятельность первых русских православных священников в этой стране. Особое внимание уделяется описанию роли РПЦ в жизни постсоветских эмигрантов. Описываются внешний и внутренний вид русских православных храмов, количественный и этнический состав их приходов. В докладе использованы новозеландские англоязычные источники: национальные переписи населения, архивные материалы, газетные публикации. Привлекаются полевые материалы, собранные автором в 2010—2011 гг. в разных местах расселения русскоязычных эмигрантов в Новой Зеландии.

Ключевые слова: русское православие, Новая Зеландия, русская диаспора, эмиграция.

Russian Orthodox Church in the history of the Russian diaspora in New Zealand.

Elena Rudnikova, Cand. Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography, FEBRAS.

The purpose of our research is to create a picture of the relationship between Russian-speaking immigrants and the Orthodox Church in New Zealand since the beginning of the last century to the present. It reconstructs the events of the initial period and highlights the work of the first Russian Orthodox priests in this country. Particular attention is paid to the description of the role of the Russian Orthodox Church in the life of the post-Soviet immigrants. The exterior and interior of Russian Orthodox churches are described, as well as quantitative and ethnic composition of their parishes. The report uses the English-language sources from New Zealand: national census, archival materials, newspaper articles. Field data collected by the author in 2010—2011 in different places of resettlement of Russian immigrants in New Zealand are included.

Keywords: Russian Orthodoxy, New Zealand, the Russian diaspora, emigration.

Новая Зеландия — островное государство в юго-западной части Тихого океана. Её территория сопоставима с размерами Италии, Японии или Великобритании. Около 4,5 млн чел. постоянного населения, большинство из которых проживает на двух самых крупных островах — Северном и Южном. Освоение европейцами началось только на рубеже XVIII/XIX вв. В 1840 г. между Великобританией и вождями местных маорийских племён был заключён договор, по одному из положений которого Новая Зеландия переходила под юрисдикцию британской монархии. Но ещё ранее, с начала XIX в., здесь появились как временные, так и постоянные европейские поселения, первыми жителями которых были китобои, христианские миссионеры и торговцы.

Среди первых европейских переселенцев были выходцы из Российской империи. В документах того времени сохранились сведения о некоем Джоне Андерсоне, прибывшем сюда 7 декабря 1845 г. Согласно пояснениям, записанных с его слов, он был уроженцем Смоленска и ранее носил имя Ивана Андреевича Золотеравского [NANZ. С 320 264. No. IA 1 183]. В 1874 г. по данным национальной переписи численность лиц, рождённых в России, составляла уже 109 чел., а в 1901 г. — 387 чел. [27]. По архивным спискам иностранцев, подавших заявление на получение британского гражданства до 1917 г., видно, что к тому времени выходцев из России здесь было уже не менее 1 тыс. чел. [NANZ. No. IA 52/26]. Таким образом, история русской колонии в Новой Зеландии началась почти одновременно с историей этой страны.

Несмотря на ощутимую даже в век информационных технологий отдалённость Новой Зеландии от остального мира, различные волны эмиграции из России докатывались и до далёких южных морей. Здесь были представители белой армии, послевоенные «перемещённые лица» из Европы, вынужденные переселенцы из Харбина и Шанхая, русские старообрядцы-беженцы из Сынцзяня, еврейские эмигранты из Советского Союза и др. Но до начала 1990-х гг. общая численность русскоязычных мигрантов оставалась небольшой. Ситуация резко изменилась после распада СССР. За период 1991—2001 гг. русская колония увеличилась в пять раз и оказалась в списке самых быстрорастущих национальных диаспор в Новой Зеландии. В 2006 г. численность только этнических русских, проживающих на постоянной основе, составила 4581 чел. В то же время, по неофициальным и экспертным оценкам, численность русскоговорящих жителей в последнее десятилетие стабильно определяется в пределах от 10 до 15 тыс. чел. В это число, кроме эмигрантов из почти всех стран бывшего Советского Союза, официально получивших вид на жительство, включаются также мигранты, находящиеся в Новой Зеландии по временным трудовым контрактам, с образовательными целями и т.п., за исключением туристов [13, с. 85—89].

Половина современного населения Новой Зеландии считает себя христианами. Самое большое количество прихожан в настоящее время

имеют пять христианских церквей: Римско-католическая, Методистская, Англиканская, Пресвитерианская и Реформистская. Православие в Новой Зеландии представлено также пятью церквями: Русской православной церковью и братскими Антиохийской, Сербской, Греческой и Румынской церквями. По данным переписи населения 2006 г., общая численность православных верующих составила 186 234 чел. [22]. По совокупным данным двух переписей 2001 и 2006 гг., о своей принадлежности к РПЦ заявили около 2500 чел. и ещё 200 — к русской старообрядческой православной церкви [22; 21].

РПЦ (как и другие религиозные объединения) имеет правовой статус некоммерческой общественной организации с регистрацией в органах государственного управления. Прихожане РПЦ проживают по всей территории страны, но русские православные храмы есть только в пяти местах: в Окленде — храм Воскресения Христова, в столичном Веллингтоне — храм Христа Спасителя, в Крайстчерче — храм Святителя Николая Чудотворца, в Палмерстон-Норте — безымянная домовая церковь, принадлежащая Архангело-Михайловской православной общине, и в поселении Ле Бонс Бэй на Южном острове — храм Покрова Пресвятой Богородицы. В г. Гамильтон в 2002 г. была открыта русская колокольня, но она является всего лишь своеобразным символом русской культуры среди остальных этнических объектов в знаменитых садах этого города. В тех местах, где нет русских православных храмов, прихожане РПЦ посещают богослужения в братских церквях. Нередки случаи, когда для проведения служб арендуются помещения у других христианских конфессий, год от года теряющих прихожан и, как следствие, средства на поддержание своих церквей.

Первым местом встречи православных эмигрантов в Новой Зеландии в конце XIX в. стал г. Данидин. 15 семей из Сирии и Ливана основали там православную общину, а церковь Святого Михаила, построенная на их средства и освящённая в 1911 г., стала первым православным храмом во всей Австралии. В этой церкви в 1910—11 гг. провёл несколько богослужений священник Николай Манович. Именно он стал первым русским православным священником и в Австралии, и в Новой Зеландии, хотя по форме оказался самозванцем, непризнанным и осуждаемым за свою деятельность официальной РПЦ.

Н. Манович родился 27 сентября 1872 г. в Смоленске. В Новую Зеландию он попал через Австралию, куда прибыл вместе с семьёй осенью 1909 г. из Канады. Судя по некоторым документам, до эмиграции из России Н. Манович носил фамилию Зайцев. Его жена Станислава и две дочери Аделина-Ксения и Элла-Хелен носили, вероятнее всего, польские имена [3, с. 1—3]. В конце октября 1909 г. Н. Манович появился в Веллингтоне. 30 октября в столичной газете «Доминион» сообщалось, что русский священник «находится здесь с миссией для своих сторонников и планирует осесть в Окленде, если получит там достаточную под-

держку» [24, с. 4]. На следующий день в интервью корреспонденту этой же газеты он заявил: «Меня звали в Сидней, но я решил ответить на просьбу из Новой Зеландии. Я нахожусь здесь, чтобы помочь моему народу». Главную трудность Николай Манович видел в преодолении недоверия будущих прихожан, которые могли рассматривать его как шпиона или агента Российской империи. Он сообщил, что принадлежит «американской секции православия, которая признает главенство Иерусалимского патриархата» и ничего общего с РПЦ, являющейся, по его мнению, орудием царского режима, он не имеет. «Мы с удивлением узнали, что в Новой Зеландии имеется значительное количество русских, греков и сирийцев, которые нуждаются в духовном пастыре», — отметил корреспондент. На вопрос о том, что его привело в столь удалённую страну, Н. Манович ответил, что три или четыре года назад его просили приехать сюда в качестве священника члены девяти русских семей (в целом около 60 чел.), осевших в северном Окленде. Он напомнил, что в последней переписи в Новой Зеландии были учтены около 300 православных верующих; из них только в Окленде проживали 140 чел. При этом Манович полагал, что многие православные верующие из бывших российских подданных не были учтены [34, с. 11].

Истинная причина прибытия Николая Мановича и в Австралию, и в Новую Зеландию, скорее всего, первоначально была иной. По данным Е. В. Говор, в австралийский Брисбен он прибыл 1 октября 1909 г. [3, с. 1—3]. Однако, судя по его собственному письму, это произошло на месяц раньше и не в Брисбене, а в Сиднее. В одной из брисбенских газет 1910 г. цитируется это письмо, датированное 23 сентября 1909 г. и адресованное землякам и всем православным верующим австралийского штата Квинсленд. Он указывает, что уже три недели находится в Сиднее, где периодически проводит православные богослужения: «Я являюсь священником Греческой православной церкви, прибывшим недавно из Америки с двойной целью — найти своих единомышленников в Австралии и подыскать подходящие места для переселения сюда русских, проживающих сейчас в Канаде», «...далее собираюсь в Веллингтон, где имеется довольно много русских, греков и православных арабов. Я попытаюсь найти там землю для нескольких семей, желающих уехать из Канады, которую они считают слишком холодной. Из-за ужасных морозов гибнут урожаи и совсем не растут фрукты. Я надеюсь найти подходящий кусок земли в Новой Зеландии, чей климат более подходит нашим крестьянам из Центральной России, чем канадский». Судя по тексту письма, в тот момент Н. Манович ещё не решил, имеет ли смысл рассматривать в этом качестве австралийский штат Квинсленд: «Я слышал и читал, что климат Квинсленда сухой и жаркий, и поэтому опасаясь, подойдёт ли он моим землякам. Сообщите мне, много ли русских уже осело в Квинсленде, являются ли они холостыми мужчинами или приехали с семьями? Есть ли среди них те, кто имеет интерес к православию?» [26, с. 8].

Сразу после прибытия в новозеландскую столицу Манович посетил сирийскую и греческую общины, после чего по их просьбе утром первого воскресенья ноября 1909 г. в школьном помещении англиканской церкви Святого Петра провёл первое в истории Новой Зеландии православное богослужение. Русский язык на этой службе не использовался, она шла на греческом, арабском и английском языках [24, с. 4].

Вскоре Н. Манович провёл первую православную службу на русском языке. Богослужение состоялось в Окленде 10 ноября 1909 г. при большом стечении народа в англиканской церкви Святого Мэтью [23, с. 2]. После этого он отправился в Данидин, где принял самое деятельное участие в организации строительства Михайловского храма. В 1910 г. Н. Манович вновь уехал в Брисбен, откуда планировал вернуться и служить в качестве постоянного священника (архимандрита Николаса) данидинской церкви. Но его планам не было суждено сбыться, так как прихожанам случайно стало известно бурное прошлое их пастыря. По данным Е.В. Говор, ещё в декабре 1911 г. некий господин Хоуэй из православной общины Данидина через российского генерального консула в Австралии обратился к патриарху Дамасскому с просьбой выслать книги и иконы для храма, упомянув, что у них есть православный священник Николай Манович. В ответ патриарх сообщил, что по данным, полученным из Канады, США и России, священник под таким именем официально нигде не значится, но в Канаде он был известен под именем Николая Зайцева. За 18 лет до того, как писал патриарх, там появился монах, изгнанный из монастыря за какую-то провинность, который подружился с Зайцевым. Через несколько лет упомянутый монах каким-то образом получил звание православного епископа всей Канады, и он-то возвёл Зайцева и ещё трёх лиц в сан священника. Православный синод Нью-Йорка и Канады ополчился против новоявленных священников, после чего те основали собственный Синод, назвав его «Независимые православные Канады». Епископ вскоре был выслан в Россию и арестован. Оставшись один, Зайцев попытался передать свою паству в лоно Пресвитерианской церкви и даже получил за это деньги. Когда же этот план не удался, он стал писать статьи и книги, где высказывал неортодоксальные взгляды на православие. Подвергшись гонениям со стороны Православного синода и прихожан, он напечатал в газетах сообщение о смерти Зайцева, а сам объявился в Австралии и Новой Зеландии под именем Николая Мановича [32, с. 6; 4, с. 6—7].

Получив эту информацию и дождавшись возвращения Н. Мановича в январе 1911 г. в Данидин для освящения Михайловского храма, прихожане потребовали от него объяснений. Священник всё отрицал и даже передал свои документы для пересылки патриарху. Рассмотрев бумаги, патриарх вновь подтвердил, что епископ, возведший Мановича в сан священника, нигде не значится. После этого верующие изгнали Мановича из Данидина и послали предупреждение о нем в Брисбен, куда Манович решил вернуться. В середине 1911 г. он уже работал упаковщиком

в Брисбене (по данным М.А. Протопопова — в январе 1912 г.). В сентябре 1912 г. российский генконсул выступил с разоблачением Мановича, называя его самозванцем и подчёркивая, что браки, заключённые Мановичем, являются недействительными. Тем не менее в отсутствие другого русского священника Манович продолжал до 1916 г. периодически вести богослужения. Считается, что именно он провёл первую русскую православную службу в Австралии, которая состоялась в Брисбене на православное Рождество в 1911 г. [25; 3, с. 1—3; 4, с. 6—7].

Безусловно, Николай Манович-Зайцев был незаурядным человеком с большой жизненной энергией. За короткое время он проехал почти всю Новую Зеландию — от Окленда до Данидина; а в Австралии в разное время посетил Сидней, Мельбурн, Аделаиду и Брисбен. Пока остаётся невыясненным, удалось ли ему найти подходящее место для переселения русских эмигрантов из Канады. Во всяком случае, об этой стороне своего пребывания в Новой Зеландии он публично нигде не высказывался. Запутанная биография Н. Мановича является своеобразной иллюстрацией реалий того времени и непростых отношений внутри самой РПЦ. Помимо прочего, по некоторым деталям его личного дела по натурализации, хранящегося в архиве Квинсленда, можно предполагать, что он был ещё и осведомителем полиции по делам рабочего движения в Брисбене [3, с. 3]. Однако подобная деятельность вполне могла быть вынужденной, так как власти в случае отказа могли пригрозить Н. Мановичу депортацией на родину, где по законам того времени его как священника-самозванца ожидало уголовное наказание. В любом случае в Новую Зеландию он больше не вернулся. 3 апреля 1912 г. Священный синод Российской империи официально объявил его самозванцем, но в этом же году Н. Манович получил австралийское гражданство и, скорее всего, депортация ему уже не грозила. Далее он проживал преимущественно в Брисбене, где и был похоронен в 1925 г. [25, с. 26—31; 31, с. 20]. И только через год после его смерти в этом городе при Свято-Николаевском храме организационно оформился первый в Австралии русский православный приход зарубежной РПЦ.

В Новой Зеландии после отъезда Н. Мановича следующие 40 лет не было ни новых православных приходов, ни русских священников. К началу 1950-х гг. последователей православной веры насчитывалось не более 700 чел. по всей стране. В их число входили и бывшие прихожане РПЦ из лиц российского происхождения, въехавшие сюда до начала Второй мировой войны. Первым официально признанным православным пастырем Новой Зеландии стал настоятель Греческой церкви архимандрит Хрисостом Боязоглу, который в 1945 г. прибыл из австралийского штата Новый Южный Уэльс в новозеландскую столицу. В планах архимандрита были строительство церкви в Веллингтоне и организация воскресной школы для примерно 50 детей прихожан, в числе которых были и русские эмигранты, а также поездка по стране для встречи с православными общинами, находившимися в то время под юрисдикцией Греческой православной церкви [33, с. 6].

Первые русские православные церкви в Новой Зеландии появились только после окончания Второй мировой войны и почти одновременно в городах Окленд, Веллингтон и Крайстчёрч. Они строились на средства и силами эмигрантов из России, прибывших в Новую Зеландию в 1949—1952 гг. в статусе перемещённых лиц из Европы и беженцев из Китая. По подсчётам В.Н. Земскова на 1.01.1952 г., основанным на данных советского Управления по делам репатриации, в статусе ДР в Новую Зеландию въехал 631 чел., имевших до войны советское гражданство. Из их числа только трое назвали себя русскими, а 51 чел. — украинцами [6, с. 21]. Эти цифры далеки от реальности, что доказывается анализом архивных списков пассажиров морских судов, арендованных Международной организацией по делам беженцев. Многим мигрантам с советским прошлым пришлось скрывать свою истинную этническую принадлежность, чтобы избежать возможной репатриации в СССР при сортировке в европейских послевоенных лагерях. Длинный перечень славянских имён и фамилий, сопровождаемый указанием российских мест рождения и отметками о православном вероисповедании, недвусмысленно говорит об истинном размере российской миграции в этот период [NANZ. С 336 025. No. AAAC W3794 1; С 342 187. No. L22 1]. Это подтверждается и новозеландской статистикой: при проведении национальных переписей 1945, 1951 и 1956 гг. этнически русскими себя называли 348, 506 и 740 чел. соответственно [27].

Сначала беженцы направлялись в сортировочный лагерь Пахиатуа на Северном острове, откуда через несколько месяцев их расселяли по всей стране — так появились новые русские общины в городах Крайстчёрч, Веллингтон, Окленд и Данидин. Основой сближения переселённых семей был не только русский язык, но и общая православная вера. Многие из них познакомились ещё в европейских лагерях или во время морского путешествия в Новую Зеландию.

Усилившиеся с прибытием беженцев из Европы и Китая религиозные потребности русской колонии были выражены в обращении верующих в Австралийско-Новозеландскую епархию зарубежной РПЦ, в котором содержалась просьба о назначении им постоянного священника. И уже 5 сентября 1950 г. в Веллингтон из Австралии прибыл о. Алексей (Алексей Гаврилович Годяев, 1900—1989). Он родился в Вятской губернии в семье священника. До Октябрьской революции учился в духовной семинарии, потом бежал из России после расправы большевиков с его родителями. До выезда в Австралию в 1949 г. жил в Мюнхене, где окончил политехнический институт, затем в Париже, Милане, а с 1936 г. и до самого отъезда — в Белграде. Появление русского православного священника и его первая литургия были доброжелательно восприняты новозеландцами. Через неделю после прибытия о. Алексей провёл первое собрание русской православной общины в Веллингтоне. Новый приход состоял преимущественно из послереволюционных эмигрантов и бывших советских граждан, разными путями оказавшихся в послевоенных европейских лагерях.

Небольшая группа беженцев прибыла из Китая. Постоянным помощником священника был Захар Захарьевич Зеленеви́ч, который сопровождал его в поездках по всей стране в течение 30 лет. Был избран приходской Совет из семи человек: М.А. Кобарова и М.И. Бендзи (староста и его помощник), Е.А. Пельтцера (секретарь), З.З. Зеленеви́ча, С.Е. Яблонской, И.А. Плешко и Н.К. Миненкова. На первом же собрании было принято обращение к архиепископу с просьбой оставить о. Алексея в качестве постоянного настоятеля этого прихода.

Через 10 дней А.Г. Годяев отправился в Окленд, где 1 октября 1950 г. организовал собрание местной православной общины, на котором присутствовало 24 чел. В избранный на собрании приходской Совет вошли Н.А. Друякин и И.Г. Голубев (староста и его помощник), М.Д. Мигунова, С.К. Сенотрусов и Н.И. Дуброва. По предложению о. Алексея почётным членом совета был избран барон Александр Сергеевич Тецнер — последний несостоявшийся из-за Февральской революции 1917 г. царский губернатор Тверской области. В конце октября о. Алексей сообщил в епархию о состоянии дел в русских православных общинах и своих планах по преобразованию их в церковные приходы. После этого он получил формальное назначение на службу как постоянный настоятель православного прихода в Веллингтоне с полномочиями по организации и развитию приходов в других городах Новой Зеландии [25, с. 382—383; 14].

21 ноября 1950 г. отец Алексей направился в Крайстчёрч, где с 1949 г. уже существовала русская православная община из числа бывших ДР, организованная благодаря деятельности одного из них — Евгения Павловича Пахомова. В его доме на Маринер-стрит в р-не Самнер проходили первые богослужения. Был даже хор, состоявший из трёх человек: самого Пахомова, его дочери и прихожанки Марии Сенаторской. В отсутствие священника, вплоть до своей кончины в 1956 г., Пахомов лично проводил все богослужения. До появления православного храма в Крайстчёрче члены общины собирались в его доме по понедельникам и четвергам, а также на Пасху и Рождество для совместных молитв. А.Г. Годяева встретили очень доброжелательно; после его приезда численность общины стала расти, в т.ч. за счёт постоянного присутствия на службах сербов и греков. Дом Пахомова уже не вмещал всех прихожан, поэтому в 1951 г. было принято решение об аренде гаража и переоборудовании его под церковь, названную в честь святителя Николая Чудотворца. Современное здание церкви было заложено в 1962 г., а освящено в 1963 г. [7; 8; 11, с. 3—4; 20, с. 11]. За три месяца пребывания А.Г. Годяева в Новой Зеландии здесь организационно оформились три новых русских православных прихода. В 1954 г. эти приходы посетил первый глава Австралийско-Новозеландской епархии зарубежной РПЦ о. Феодор (А.П. Рафальский, 1895—1955) [5, с. 13—15].

Таким образом, о. Алексей стал первым официально признанным русским православным священником РПЦ за всю историю Новой Зеландии. С разными целями ему приходилось посещать отдалённые места в стране,

куда судьба занесла бывших россиян. В 1965 г. он даже выступил руководителем собрания русских религиозных беженцев-старообрядцев из Китая [14]. Передвигаться по стране в то время было трудно, но священник по выходным дням служил в Веллингтоне, раз в два месяца ездил в Окленд, а в Крайстчёрч ездил на поезде два раза в год [15].

Численный рост русской колонии, социальный состав послевоенных мигрантов и наличие постоянного священника сделали РПЦ настоящим центром общей культурной памяти. В 1951 г. началось строительство Воскресенского храма в Окленде. Земельный участок для церкви был передан в дар русской православной общине дочерью А.С. Тецнера Ольгой. Храм был построен силами прихожан и освящён в 1953 г. Внутреннее убранство церкви было предметом споров, поэтому в 1956 г. О. Тецнер с целью изучения интерьера православного храма совершила поездку на противоположный конец страны — в Михайловский храм в Данидине [1; 28, с. 1]. В Веллингтоне будущие прихожане трижды выкупали для своих нужд уже построенные здания, адаптируя их под свои потребности. В первый раз для нужд православной общины был арендован дом в центре города на Пири-стрит. Его помещения были перестроены и расширены; одновременно сдавались внаём комнаты на втором этаже дома и проводились платные концерты. Всё это вместе с пожертвованиями дало возможность приходу выкупить здание для церкви, и с 1955 г. здесь начались регулярные богослужения. По этому адресу церковь просуществовала 40 лет; в 1995 г. дом был продан и взамен него куплено другое здание на Уэб-стрит. Но там службы проводились всего пять лет — приходу пришлось продать здание по причине его слабой сейсмоустойчивости, выявленной при проверках мэрией. Необходимо было сделать серьёзные вложения для укрепления помещений, на что у прихода не было средств. В настоящее время храм Христа Спасителя размещается в значительном отдалении от центра города, в р-не Мирамар на Дарлингтон-роуд, и занимает помещение, ранее принадлежавшее одной из пресвитерианских церквей (прихожане переоборудовали и обустроили здание согласно православным нормам).

Православный храм Покрова Пресвятой Богородицы в селении Ле Бонс Бэй на Южном острове был заложен в 2007 г. и освящён 29 октября 2011 г. Его прототипом стала церковь Успения Пресвятой Богородицы, возведённая в 1599 г. на новгородской земле. Небольшая деревянная церковь находится в местности, где в последнее десятилетие ежегодно проводится православный детский лагерь. Строительство церкви осуществлялось также силами самих прихожан, руководителем стройки был А. Лебеденко, эмигрант последней волны, выходец из Новгорода и реставратор по профессии [17].

Внешне храмы РПЦ в Новой Зеландии являются простыми объектами с минимумом специфических архитектурных деталей. На некоторых имеется маленький купол с православным крестом, на других — только крест. Располагаются все храмы, за исключением новой церкви на Южном ост-

рове, в жилых зонах, и только невысокий забор может отделять их территорию от соседних домов. Все здания, кроме православной церкви в Веллингтоне, имеют небольшой размер: «не больше часовни по российским меркам», по выражению о. Владимира, или как «две советских кухни» [1; 9]. В Окленде в послевоенное время службы проводились в среднем раз в два месяца, и приход состоял примерно из 20—30 семей, поэтому размер храма вполне удовлетворял потребности верующих. Но с появлением постсоветских эмигрантов ситуация изменилась: если на обычные службы в церковь приходят 10—20 чел., то в религиозные праздники, особенно на Пасху или Рождество, число присутствующих может достигать нескольких сотен. В таких случаях заранее арендуется другое помещение или служба ведётся на прихрамовой территории. Последний вариант нередко вызывает протесты жителей близлежащих домов. Был даже инцидент, когда собравшиеся на праздник Пасхи в апреле 2010 г. были облиты водой из шланга из соседнего дома.

Внутреннее убранство церкви составляет гордость приходов. Многие иконы и предметы церковной утвари являются семейными реликвиями, переданными первыми прихожанами в дар. Богослужения ведутся на церковнославянском языке, при необходимости используется английский. В оклендской церкви есть даже перевод Божественной литургии Иоанна Златоуста на маорийский язык, сделанный священником из братской Антиохийской церкви, хотя неизвестно ни об одном маори, принявшем православие.

Священники облачаются в традиционные одеяния, соответствующие православным канонам. В отсутствие священника некоторые службы проводятся самими прихожанами. Например, в октябре 2010 г. в Веллингтоне две службы из четырёх были проведены без священника. В крупных приходах есть небольшие библиотеки, работают воскресные школы. Современный состав православных приходов внешнему наблюдателю определить довольно сложно. По словам о. Владимира, в Окленде имеется 7—10 тыс. «русских православных людей», приехавших уже после 1990 г. В Веллингтоне — 1—2 тыс., в Крайстчерче — менее 1 тыс. [15]. Однако указанные цифры относятся скорее к общей численности русскоязычной колонии в этих городах, чем к числу прихожан РПЦ. На обычные службы приходят только постоянные прихожане — от нескольких человек до нескольких десятков. В Веллингтоне, например, в ноябре 2010 г. на одной из служб присутствовало не более 30—40 чел., а на другой — вовсе не было никого, кроме одного из эмигрантов последней волны, открывшего дверь церкви и проведшего службу в отсутствие других прихожан. Приход Николаевского храма в Крайстчерче, по словам его настоятеля отца Аркадия, состоит примерно из 40—50 постоянных прихожан, ещё около 150 чел. посещают службы периодически [10].

После кончины А.Г. Годяева у русской колонии не было постоянного священника до середины 1990-х гг. В 1995 г., учитывая просьбы

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, Ле Бонс Бэй
 (фото с сайта Австралийско-Новозеландской епархии РПЦЗ:
<http://www.rocor.org.au/?p=3529>)

увеличившихся русских православных приходов, из Австралии в Новую Зеландию вновь был направлен священник — о. Николай (Карыпов). В настоящее время в стране постоянно служат четыре православных священника: благочинный всех новозеландских приходов протоиерей о. Владимир (Бойков), иерей о. Аркадий (Трашков-Клери) — настоятель русской церкви в Крайстчёрче, иерей о. Евгений (Куланов) — священник Воскресенской церкви в Окленде и иерей о. Александр (Скорик) — приходской священник храма в Веллингтоне; периодически — о. Амвросий (Муни). Биографии всех священников интересны не только сами по себе, но и как источник по истории русской колонии в Новой Зеландии. О. Владимир, например, был одним из детей русской беженки из Харбина. В послевоенное время вся семья эмигрировала в Австралию, где он и родился; отец Евгений является представителем последней, постсоветской волны эмигрантов. Сюда он приехал с родителями в 1995 г., учился в университете Крайстчёрча, сменил несколько факультетов в поисках призвания. Сначала был обычным прихожанином Николаевского храма, затем решил посвятить себя служению. Закончив Свято-Троицкую семинарию в США, вернулся в Новую Зеландию православным священником [17; 9].

Необычна судьба о. Амвросия (Бернарда Уолтера Муни), новозеландца по рождению и православного по вере. Он учился русскому языку в университете Виктории в Веллингтоне, где эмигрант Николай Данилов организовал в 1942 г. русское отделение; затем принял православие и с 1981 г. начал служить в Новой Зеландии в качестве православного свя-

щенника. [25, с. 339—340]. В 1986 г. отец Амвросий основал небольшой приход им. св. архангела Михаила для русских эмигрантов в г. Палмерстон-Норт на Северном острове, настоятелем которого он является до настоящего времени. Службы проводятся в маленьком домовом храме, стоящем во дворе жилого дома одного из прихожан. Кроме того, с 1991 г. по 2001 г. отец Амвросий руководил Славянским благотворительным обществом, целью которого была выдача постсоветским эмигрантам поручительств от имени русской колонии и РПЦ для визы на постоянное проживание в Новой Зеландии, а также всесторонняя помощь новоприбывшим. Многие из них, попав в трудное положение и зачастую даже не являясь верующими, приходили в русские церкви. Кто-то сам понимал, что идти больше некуда, кому-то дорогу к русскому храму показывали местные жители. В Веллингтоне, например, они получали в Храме Христа Спасителя не только моральную поддержку, но и пищу, и кров, и возможность связаться с родными или друзьями по телефону. Впоследствии некоторые из них стали активными членами православных приходов. Но далеко не все эмигранты последней волны, кому помогал отец Амвросий, были искренни в своих намерениях. Например, в 2001 г. русская колония активно обсуждала письмо отца Амвросия в российско-новозеландскую газету «Ветер», в котором он просил помочь русской церкви в Веллингтоне оплатить телефонный долг в размере 5463 новозеландских доллара, образовавшийся с 1995 г. в связи с выдачей спонсорских форм для 397 семей из стран бывшего Советского Союза [2, с. 3].

Священникам помогают приходские советы, из числа членов которых избираются церковный староста, секретарь и казначей. Роль священника в условиях эмиграции очень велика. Помимо проведения богослужений по церковному календарю и совершения обрядов, объективно он выступает и в роли психолога для тех, кто попал в сложную жизненную ситуацию, а поделиться страхами и сомнениями в новой стране ещё не с кем. Один из ярких примеров таких эмигрантов — российские женщины, нашедшие себе брачных партнёров в Новой Зеландии через Интернет, а по приезду в страну столкнувшихся не только с культурными различиями, но даже и с обманом.

Православные священники обычно имеют ещё и светскую работу, поскольку, несмотря на увеличение численности приходов, церковных подаваний недостаточно. Скромность в пожертвованиях — особенность не только постсоветских прихожан. А. Годяев, например, зарабатывал себе на жизнь прежней светской профессией инженера по пищевым технологиям. Считается, что он внёс большой вклад в развитие знаменитого новозеландского сыроделия [12].

С развитием информационных технологий появились новые способы общения настоятелей местных приходов с паствой. К ним относятся мобильная связь и электронная почта. Кроме этого, в настоящее время храмы в Веллингтоне, Крайстчёрче и Окленде имеют интернет-страницы,

А.Г. Годяев в первый день в Новой Зеландии, г. Веллингтон (Father Godyaev. Negatives of the Evening Post newspaper. Ref: 114/192/08-G. Alexander Turnbull Library, Wellington, New Zealand).

где размещается разнообразная информация — от краткой истории прихода и расписания церковных служб на текущее время до фотоотчётов о тех или иных событиях в жизни приходов [18; 19; 30]. Как правило, после проведения служб организуются совместные трапезы, во время которых члены прихода обращаются с различными вопросами к настоятелям приходов и обсуждают общие дела.

Между послевоенной и постсоветской эмиграцией имеется существенная разница в степени религиозности. «Я помню, как в детстве родители настаивали, что церковь — это центр жизни. Это нынешние эмигранты первым делом стараются найти за границей рус-

скоговорящих людей. Наши предки пытались сохранить самое для них святое», — говорит о. Владимир [1]. Для эмигрантов, прибывших в Новую Зеландию в 1950-е гг., РПЦ была олицетворением России и единственным местом, где они могли коллективно поддерживать свою прежнюю национальную и культурную идентичность. Эмигранты же с советским прошлым зачастую не видят смысла в сохранении традиций в языке богослужений, в обрядности, даже во внутреннем убранстве храмов. Характерно, что в газете «Наша гавань» (главный печатный орган постсоветской волны) за последние пять лет — с 2008 по 2013 гг. — не было опубликовано ни одного материала, так или иначе связанного с РПЦ.

Послевоенные эмигранты в настоящее время почти не посещают русские церкви по разным причинам: возраст, здоровье, неприятие «советских» эмигрантов и т.д. Их можно встретить там только в печальные дни отпевания их ровесников. Первое поколение их потомков в основном уже полностью англизировалось, посещает англиканские или католические церкви и к православию относится безразлично.

С 2007 г. все пять русских православных приходов находятся в юрисдикции Австралийско-Новозеландской епархии зарубежной РПЦ. В тех городах, где нет русских храмов, русскоязычные мигранты являются членами приходов братских православных церквей. В истории русской колонии в Новой Зеландии раньше никогда не было столько приходов и такого количества прихожан. Хотя, по сравнению, например, с Австралией (21 приход) или с Индонезией (23) — это совсем немного. С увеличением русской колонии заметно оживилась и религиозная жизнь у православных верующих в её составе. Среди важных событий в жизни русских православных приходов в последние годы, привлёкших внимание многих

членов русской диаспоры и по-своему внёсших свой вклад в процесс её консолидации, были визиты главы Австралийско-Новозеландской епархии митрополита Илариона после землетрясения в Крайстчёрче в 2011 г. и в апреле 2013 г. и крёстные ходы по всей стране с Курско-Коренной чудотворной иконой Божией Матери «Знамение», побывавшей в Новой Зеландии с 29 ноября по 7 декабря 2011 г. [17].

Благодаря постсоветской волне мигрантов, за последние двадцать лет общая численность прихожан РПЦ заметно увеличилась. Но на общем фоне религиозной жизни в Новой Зеландии деятельность РПЦ и её приходов не слишком заметна для всего остального населения. Основными причинами этого являются ярко выраженная по всей стране тенденция к распространению безрелигиозности, а также малочисленность и разобщённость русскоязычных эмигрантов. Немаловажно также отношение новозеландцев к восточному православию как к экзотическому внешне и малопонятному по содержанию рудименту русской культуры. Свою роль сыграло и широкое распространение баптизма в среде постсоветских эмигрантов — только за последнее десятилетие здесь появились три русские общины («Божий поток» и «Свет» в Окленде, «Объединённая русскоязычная христианская община» в Веллингтоне). В среде новых эмигрантов довольно популярны «Альфа-курсы», организуемые при англиканских церквях или в новых русских христианских общинах, на которых акцент делается преимущественно на изучении Библии и совместном времяпровождении по разнообразным поводам: религиозным праздникам, этническим ярмаркам, спортивным состязаниям, выходам на природу и т.д. «...Покидая Родину, нынешние эмигранты никакой особой культуры и традиции с собой не уносят, — отмечает в одной из своих известных проповедей протоиерей Александр Ткачёв. — Только тоску и боль, смущение и смятение уносят они» [16].

Таким образом, русский вариант православного вероисповедания в Новой Зеландии имеет уже более чем вековую историю. Официальное же присутствие РПЦ в этой стране насчитывает более 60-ти лет и связано с деятельностью послевоенной эмиграции, которая и проявила себя в первую очередь в религиозном аспекте. Русскоязычная колония в современный период представляет собой совокупность слабо взаимодействующих между собой различных групп и объединений мигрантов, в реальности не имеющих общепризнанных лидеров и единого центра. Процессу превращения колонии в институт реальной диаспоры ощутимо препятствуют малочисленность мигрантов, дисперсность их расселения и существенные различия в стратегиях адаптации. Всё это делает достаточно условным применение понятия диаспора в их отношении. В то же время стремление к консолидации было в той или иной мере присуще всем периодам в истории русской колонии и выражалось, прежде всего, в желании сохранить и актуализировать общую культурную память. До появления постсоветских мигрантов эту функцию выполняла

Русская православная церковь. Но у большинства постсоветских мигрантов православная вера не встроена в структуру личности, поэтому психологическая потребность поддержания идентичности реализуется ими вне церкви — через созданную этой волной инфраструктуру советского типа (свой рынок труда, печатные издания, детские сады, магазины, клубы по интересам и т.п.). При этом определённая часть новых мигрантов рассматривает институт церкви утилитарно — как возможность социализации в новом обществе через своих бывших соотечественников. Здесь нет никакой новозеландской специфики — подобное прагматическое отношение к церковным институтам было характерно для начального периода распространения постсоветской волны по всему миру. Но при этом в Новой Зеландии именно постсоветские эмигранты реанимировали в середине 1990-х годов Николаевский храм в Крайстчёрче, и именно по их просьбе в Новую Зеландию был направлен опять, как в 1950 г., постоянный священник. Новейшие эмигранты построили новую православную церковь на Южном острове в 2011 г. и Русскую колокольню в садах г. Гамильтона в 2002 г.; они собирают средства на новую церковь в Окленде и отправляют своих детей в воскресные школы при русских православных храмах: «Всё остальное приходится открывать и приобретать в новой земле и под чужим небом» [16]. По сути, у современной русскоязычной диаспоры в Новой Зеландии и Русской православной церкви в этой стране по-прежнему имеется единая цель — сохранение основ российской культуры и языка, к которой они стремятся доступными им методами и средствами.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бойков В. Новозеландец всегда должен быть оптимистом // *АиФ в Приморье*. Владивосток, 2012, 1 июня. № 22. URL: <http://www.vl.aif.ru/article/society/article/23821.htm> (дата обращения: 1.03.2013).
2. Ветер. Окленд (Новая Зеландия), 2001, февр. № 56.
3. Говор Е.В. По следам Николая Мановича // Австралиада. Сидней, 1997. № 13. С. 1—3.
4. Говор Е.В. Священник-социалист или самозванец-доносчик: к биографии Николая Мановича // Австралиада. Сидней, 1998. № 16. С. 6—7.
5. Годяев А.Г. Посещение архиепископом Феодором общин в Новой Зеландии // *Православный христианин*. Сидней, январь-апрель 1954. № 1—4 (34—37). С. 13—15.
6. Земсков В.Н. Рождение «второй эмиграции». 1944—1952 // *Социологические исследования*. М., 1991. № 4.
7. Кузьмина И. История русской иммиграции в Новую Зеландию. Часть первая. *Православный храм* // Ветер. Окленд. 1997. № 17.
8. Маклеод Б. Русская церковь в Новой Зеландии (история) // Ветер. Окленд, 2003, май. № 80. С. 5.
9. Митрофанова А. Храм в две советских кухни: школа выживания православного прихода в Новой Зеландии. URL: http://icolor.org/rz/novaia_zelandia/mp/2/ (дата обращения: 31.05.2013).

10. Православные просят молитв: беседа с иереем Николаевского храма в Крайстчерче Аркадием Трашковым-Клери. Церковный вестник. М., 2011, март. № 5(450). URL: http://e-vestnik.ru/world/pravoslavnye_novoy_zelandii_1103/ (дата обращения: 12.12.2012).
11. Пэйдж М., Раски Г. Русская церковь в Крайстчерче // Ветер. Окленд, август 2003. № 83. С. 3—4.
12. Рудникова Е.В. Из истории возникновения первых русских православных приходов в Новой Зеландии // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2013. № 4. С. 165—169.
13. Рудникова Е.В. Постсоветская эмиграция в Новую Зеландию: к вопросу о численности и этническом составе // Историческая демография. Москва-Сыктывкар, 2010. № 1(5). С. 85—89.
14. Рудникова Е.В. Русские староверы в Новой Зеландии // Восток (Oriens). М.: Институт Востоковедения и Институт Африки РАН. 2013. № 2.
15. Русские новозеландцы и православие в стране киви: беседа о. Владимира с иеромонахом Игнатием (Шестаковым). URL: <http://www.pravoslavie.ru/guest/46911.htm> (дата обращения: 12.12.2012).
16. Собрание проповедей протоиерея Александра Ткачёва. Проповедь «Русский вдали от России». URL: <http://www.andreytkachev.com/russkij-vdali-ot-rodiny/> (дата обращения: 7.12.2012).
17. Australian and New Zealand Diocese (ROCOR). URL: <http://roc.org.au> (дата обращения: 31.05.2013).
18. Church of Christ the Saviour (Wellington). URL: <http://www.church.narodnz.co.nz> (дата обращения: 31.05.2013).
19. Church of the Resurrection of Christ (Auckland). URL: <http://www.orthodox.net.nz> (дата обращения: 31.05.2013).
20. Harre Anne. Christchurch only Russian Orthodox Church // The Press. Christchurch, 1996, 18 oct. P. 11.
21. New Zealand: National Census 2001. URL: <http://www.stats.govt.nz/Census/2001-census-data.aspx> (дата обращения: 31.05.2013).
22. New Zealand: National Census 2006. URL: <http://www.stats.govt.nz/Census/2006CensusHomePage.aspx> (дата обращения: 31.05.2013).
23. Personal // Taranaki Herald. 1909, 11 november. Volume LV. Issue 14508. P. 2.
24. Personal Items // Dominion. Wellington, 1909, 30 oct. Volume 3. Issue 651. P. 4.
25. Protopopov M.A. The Russian Orthodox Presence in Australia. Fitzroy: Australian Catholic University, 2005. 443 p. URL: <http://dlibrary.acu.edu.au/digitaltheses/public/adtd-acuvp87.09042006/02whole.pdf> (дата обращения: 31.05.2013).
26. Queensland through Russian Spectacles // The Queenslander. Brisbane, 1910, 13 august. P. 8.
27. Russians, Ukrainians and Baltic Peoples in New Zealand. URL: <http://www.teara.govt.nz/en/russians-ukrainians-and-baltic-peoples/page-1> (дата обращения: 25.02.2013).
28. Russian woman found Greek Orthodox Church in city // The Otago Daily Times. Dunedin, 1956, 17 february. No. 29 (172). P. 1.
29. Snapshot of New Zealand in 2013. URL: http://www.stats.govt.nz/browse_for_stats/snapshots-of-nz/nz-in-profile-2013.aspx (дата обращения: 31.05.2013).
30. St Nicholas Russian Orthodox Church (Christchurch). URL: <http://www.stnicholaschurch.org.nz> (дата обращения: 31.05.2013).
31. The Brisbane Courier. Brisbane (Queensland). 1925, 11 april. P. 20.
32. The Greek Church // Manawatu Standard. 1910, 23 september. Volume XLI, Issue 9322. P. 6.
33. The Greek Church: Arrival of Priest // Auckland Star. Auckland, 1945, 13 june. Volume LXXVI. Issue 138. P. 6.
34. The Greek Church: Visit of a Russian Priest // Dominion. Wellington, 1909, 1 november. Volume 3. Issue 652. P. 11.
35. NANZ (National Archives of New Zealand).